

Секция «Политика памяти: методология исследования и практики применения»

**Музеефикация как способ коммеморации исторической травмы
постсоциалистических государств (на примере Венгрии и "Музея Террора")**

Научный руководитель – Колесник Александра Сергеевна

Овчарова Валерия Валерьевна

Студент (бакалавр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет
мировой экономики и мировой политики, Москва, Россия

E-mail: valerie.ovchrv@gmail.com

Коллективная историческая память является рефлексией над собственным прошлым и попыткой придания значимости одним событиям в ущерб другим. Согласно утверждению П. Нора, «историческая память - всегда настоящее»; т.е. речь идет об избирательном забывании национального прошлого для создания и поддержания политического и социального образа [7]. Гипотеза исследования состоит в том, что национальная идентичность Венгрии строится на противоречии между реакционным избавлением от событий коммунистического прошлого и эксплуатирующимся образом жертвы «двойной оккупации».

Историческая память имеет место, только если она коррелирует с запросами общества и государства «здесь и сейчас». В данном случае сохранение исторических нарративов о травматичном коммунистическом и нацистском прошлом является политическим инструментом для интеграции нации и создания национальной идеи (и в этом есть схожесть с конструированием идентичности у постколониальных стран, описанным Л. Смит) [8].

Что касается самих музеев, то модернизируется и их визуальная составляющая: экспозиция наполняется медиа-информацией, что, с одной стороны, привлекает аудиторию, для которой такой нарратив становится понятнее, с другой стороны, это создает понимание правдивости произошедших событий. Этой же цели служит и реконструкция интерьера под стать той локации, которая была музеефицирована. Например, в Доме Террора в Будапеште, о котором будет сказано далее, весь нижний этаж занимает помещение реальной бывшей тюрьмы-пыточной КГБ, частично реставрированной с сохранением устрашающей атмосферы безысходности. Находясь в подобном месте, зритель сразу же чувствует свою причастность к этим событиям, что побуждает «вспоминать» коллективное прошлое, укрепляя и легитимизируя его как неотъемлемый элемент самой нации.

Таким образом, становится очевидно, что в контексте конструирования национальной идентичности исключительно важны *социальные представления о прошлом* [4]. Их главное преимущество - динамичность в зависимости от запросов общества, в чем мы и находим разницу между непосредственным прошлым и тем, как общество относится к этому прошлому. Если нация или - чаще - государство хочет сохранить определенные воспоминания, то тогда социальные представления перерастают в *коллективную память*, т.е. воззрения на исторические события становятся легитимизированными музейным пространством.

Нельзя не отметить также деструктивность коллективной памяти восточноевропейцев: они помнят и легитимизируют отрицательные моменты прошлого, те, которые скорее хочется забыть (оккупация, Вторая Мировая война, ввод советских танков и т.д.). Такая четко негативная направленность исторической памяти, в свою очередь, формирует образ жертвы, лежащий в основе национальной идентичности. Соответственно, в некотором смысле формируется то, что мы можем назвать «удобным прошлым» для оправдания некоторых политических неудач настоящего.

Именно после распада Советского Союза перед восточноевропейскими странами встала проблема реинтерпретации наследия, «национализации прошлого»; это можно связать с необходимостью конструирования новой нации и легитимации новых политических структур [2, с.108].

Обращаясь непосредственно к кейсу «Дома Террора» в Будапеште, можно заметить, что, несмотря на нарратив «двойной оккупации», фокус музейного дискурса ставится на геноциде собственного народа, совершенном русскими, а память о Холокосте и нацистских преступлениях постепенно маргинализируется [9]. В упомянутом музее пространство организовано следующим образом: экспозиция открывается событиями марта 1944 г., когда Венгрия была оккупирована нацистами (зал Double occupation), затем - еще два холла о немецком терроре (the Passage of the Hungarian Nazis (Arrow Cross Party), Hungarian Nazis (Arrow Cross Party), остальное же пространство (продолжение второго, первый этажи и подвал) посвящено исключительно захвату со стороны СССР [9]. Т.е. фокус «двойной оккупации» очевидно сдвигается на ужасы именно советского вмешательства.

Похожая ситуация наблюдается и с временными выставками, проходящими в музее: например, “Free for the first time” (2015 г.), посвященная первым демократическим выборам в Венгрии в 1990 г. после распада СССР. Нарратив экспозиции совершенно ясен: он концентрируется на трансформации Венгрии в полностью демократическое и суверенное государство («национальная независимость восторжествовала над иностранной оккупацией» [9]). Т.е. концепт выставки - разграничить темное, злое коммунистическое прошлое и светлое, полное надежд настоящее Республики; подчеркнуть национальную идею - освобождение от коммунистического террора.

Итак, историческая память имеет место, только если она коррелирует с запросами общества и государства «здесь и сейчас», является простой в понимании и однозначной. Для достижения последнего политика памяти используется мифы, превращающие сложный исторический процесс в череду взаимосвязанных однонаправленных событий. Важна и характеристика деструктивной памяти восточноевропейских стран, равно, как и активная эксплуатация образа жертвы, что лежит в основе их национальной идентичности.

Источники и литература

- 1) Ананьев В.Г. Теоретическое осмысление наследия в современной зарубежной историографии: «Авторизованный дискурс наследия» Лораджин Смит // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2014. №3. С.1-8.
- 2) Ачкасов В.А. "Политика памяти" как инструмент строительства постсоциалистических наций // ЖССА. 2013. №4. С. 106-123.
- 3) Кузнецов К.А., Щелин П.А. Национальная идентичность и устойчивая государственность // Сравнительная политика. 2014. №1(14). С. 31-36.
- 4) Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: Возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4. С. 6-22.
- 5) Малинова О.Ю. Символическая политика: Контуры проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 5-16.
- 6) Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7-32.

- 7) Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // History and Memory in African — American Culture / Ed. G. Farbe, R. O'Meally. N.Y., Oxford, 1994. P. 289.
- 8) Smith L. Uses of Heritage. L., N. Y.: Routledge, 2006. 351 p.
- 9) House of Terror Museum. [Электронный ресурс]. URL: <https://terrorhaza.hu/en> (дата обращения: 21.10.2020).